

Фольклористика

УДК 398(=511.131)

И. М. Нуриева

ВКЛАД ЮРЬЁ ВИХМАННА В УДМУРТСКУЮ ФОЛЬКЛОРИСТИКУ

В статье речь идет о значении трудов финского ученого Юрьё Вихманна для становления и развития удмуртской фольклористики. В удмуртоведении Юрьё Вихманн представлен как лингвист, один из основателей сравнительно-исторической пермистики, внесший значительный вклад в удмуртскую диалектологию, историческую фонетику, историческую лексикологию и этимологию. Однако в финно-угроведении до настоящего времени не оценена по достоинству роль финского ученого как фольклориста, заложившего основы и принципы записи и публикации фольклорного материала, в том числе и музыкального.

С целью изучения отдельных удмуртских диалектов ученый предпринял две длительные поездки к удмуртам, во время которых записал значительный корпус образцов удмуртской речи. Основу этого собрания составили самые разные жанры удмуртского фольклора: песни, заговоры, молитвы, загадки, легенды и т. д., опубликованные позже в двух томах «Wotjakische sprachproben» (1893; 1901). Кроме того, владея нотной грамотой, он записал и опубликовал корпус мелодий удмуртских обрядовых песен, которые стали ценным источником для современных сравнительных исследований. Редкой удачей финского исследователя следует считать записи раритетных инструментальных наигрышей, сопровождавших языческие моления.

Публикуя и описывая фольклорный материал, Ю. Вихманн как лингвист-диалектолог строго придерживался ареального метода, но при этом впервые использовал актуальные на сегодняшний день фольклористические принципы классификации, подразделяя фольклорный материал каждого диалекта на жанрово-тематические группы. Одновременно Ю. Вихманн первый в истории удмуртской фольклористики применил этномузыковедческие методы при описании жанровой системы, структуры напевов и исполнительской манеры.

Юрьё Вихманн по праву занимает видное место в истории удмуртской фольклористики. В определенной степени он опередил время, используя методику и принципы работы с фольклорным материалом, которые стали основополагающими в современной отечественной фольклористике.

Ключевые слова: Юрьё Вихманн, лингвистика, удмуртская фольклористика, ареальные исследования, фольклорные жанры.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-2-248-254

Яркая личность финского лингвиста Юрьё Вихманна неоднократно привлекала внимание российских ученых, исследующих его вклад в развитие финно-угроведения [Пермистика 2, 1991; Загребин 1999; Наговицына 2002; Давыдова, Латкина 2009; Садиков, Миннихметова 2012; Ошаев, Сануков, Соловьев 2016; Карпова 2020 и др.]. Юрьё Вихманн родился в 1868 г. в поселке Лиминго в семье священника голландского (немецкого?) происхождения. Во время учебы в университете г. Хельсинки, помимо латыни и санскрита, увлекся изучением финно-угорских языков. По направлению Финно-угорского общества совершил три поездки в Россию для изучения диалектов финно-угорских языков: дважды, в 1891 и 1894 гг., посетил удмуртские населенные пункты, в 1901–1902 гг. провел собирательскую работу у коми, в 1905–1906 гг. – у марийцев.

В удмуртоведении Юрьё Вихманн представлен как лингвист, один из основателей сравнительно-исторической пермистики, внесший огромный вклад в удмуртскую диалектологию, историческую фонетику, историческую лексикологию и этимологию [Кельмаков 1991, 3]. Сам ученый, отправляясь в далекое путешествие к удмуртам, определял свою задачу достаточно конкретно: «изучить те диалекты, которые были еще не известны, но при этом самые распространенные, а именно: малмыжско-уржумский, елабужский и глазовский (вместе с бесермянским и слободским)» [Wichmann 1893, VI]. Вместе с тем нельзя не отметить большой интерес финского лингвиста к фольклору и этнографии удмуртского народа. В его лингвистических публикациях [Wichmann 1893; 1901], к примеру, содержится значительный корпус фольклорных произведений, собранных им во время полевых экспедиций. По подсчетам удмуртского языковеда В. К. Кельмакова, финский ученый в своих трудах опубликовал около 1200 единиц различных фольклорных жанров, охватив практически все наречия удмуртского

языка [Кельмаков 1991, 15]. Анализу его фольклорных коллекций впоследствии были посвящены разделы в монографиях и отдельные исследования [Наговицына 2002; Нуриева 2004].

Yrjö Jooseppi Wichmann
(Юрьё Йёосеппи Вихманн)
(1868–1932)
(<http://museum.ru/imgB.asp?15526>)

За две поездки к удмуртам Ю. Вихманн посетил несколько населенных пунктов Уржумского, Елабужского, Глазовского, Слободского уездов, а также удмуртские деревни современной Башкирии (д. Большой Качак Калтасинского района). В первой поездке он провел почти год, при этом почти восемь месяцев жил в разных удмуртских деревнях, наблюдая и фиксируя детали жизненного уклада, записывая фольклорно-диалектологические материалы в качестве образцов речи: «Так как я счел весьма необходимым практически выучить диалект, чтобы мои удмуртские штудии имели хоть какие-либо шансы на успех, я решил оставаться на одном месте как можно дольше. Так жил я в Карлыгане почти пять полных месяцев» [Wichmann 1893, VII].

Об условиях работы, о наблюдениях по поводу обычаев и традиций удмуртского народа Ю. Вихманн рассказывал в письмах родным. Например, ученый отметил, что главными занятиями карлыганских удмуртов являются земледелие и пчеловодство; зимой они занимаются столярным и токарным делом. Занятия женщин зимой – прядение и ткачество. Живя в Карлыгане в доме учителя школы Кузьмы Андреева, Вихманн подробно описывает рацион питания в семье, внешность и характер местных удмуртов: «Каждый из его братьев – молодой, статный, действительно красивый мужчина... И жены их также не дурны. У всех смуглая

кожа... По характеру удмурты здесь очень похожи на финнов. Немногословные, серьезные, усердные, религиозные (будь они язычниками или христианами)» [Чуч 1990, 36]. Удмурты, проживающие на территории Уфимской губернии, по его наблюдению, «имеют другой характер, нежели северные: более грубые, более жесткие, но вместе с тем более живые. На них оказали влияние их соседи – татары-магометане и башкиры» [Чуч 1990, 40].

Финский ученый неоднократно был свидетелем, а иногда и участником семейных и календарных обрядов жертвоприношения. В д. Большой Качак он наблюдал два больших моления, на которые собрались удмурты из нескольких деревень. В Карлыгане Вихманн участвовал в больших поминках умершего 20 лет назад мужчины. С некоторой гордостью исследователь пишет: «...я заслужил доверие сельчан, что подпустили даже к жертвоприношению. От русских чиновников все это утаивают» [Чуч 1990, 37].

В двух томах «Образцов удмуртской речи» Ю. Вихманн опубликовал с переводами на немецкий язык удмуртские тексты таких фольклорных жанров, как песни, причитания, молитвы, заговоры [Wichmann 1893], пословицы, загадки, сказки, предания, легенды [Wichmann 1901]. Публикуя и описывая фольклорный материал, Ю. Вихманн как лингвист-диалектолог строго придерживался ареального метода, но при этом не отходил и от фольклористических принципов классификации, о чем заявлял в предисловии к первому тому «Образцов удмуртской речи»: «Что касается последовательности языковых образцов, я попытался расположить их таким образом, чтобы они могли быть с удобством использованы как лингвистом, так и фольклористом. С одной стороны, мне казалось нецелесообразным располагать образцы языка только по диалектам, что слишком бы фрагментировало один и тот же тип (*жанр* – *И.Н.*) народной поэзии. С другой стороны, расположение только по содержанию было бы очень неудобным для исследователя языка, потому что оно не могло бы дать общего представления о различных диалектах. Поэтому я посчитал наиболее выгодным их упорядочивать по содержанию, но все же так, чтобы каждый вид народной поэзии был упорядочен по месту и, следовательно, по диалектам. Так, например, песни представлены таким образом, что сначала расположены песни малмыжско-уржумские, затем елабужские, глазовские и бесермянские. Преимущество этого расположения в том, что лучше проявляется характер словесной культуры каждой местности» [Wichmann 1893, XVII].

Первый том привлек особое внимание фольклористов и этномусиковедов – значительный корпус текстов, а также пятнадцать нотированных образцов песенного и инструментального искусства удмуртов, опубликованных в приложении, стали богатым и ценным источником для сравнительных исследований. Кроме того, нельзя не поразиться музыкальной одаренности и тонкой наблюдательности финского лингвиста относительно общей картины бытования удмуртского музыкально-песенного фольклора, характеристику которого он дал в предисловии к первому тому «Образцов удмуртской речи».

Предисловие состоит из нескольких разделов. В самом начале Ю. Вихманн подробно описывает маршрут своего путешествия; с большой благодарностью пишет о директоре учительской семинарии профессоре Николае Ивановиче Ильминском и известном ученом-этнографе, профессоре Иване Николаевиче Смирнове, которые помогли ему ценными советами в расшифровке материалов.

Остальная часть предисловия, помимо небольшого лингвистического раздела, в котором автор предлагает свою систему транскрипции, посвящена подробному анализу записанного им музыкально-песенного фольклора. В начале предисловия финский ученый дает оценку опубликованным ранее фольклорным коллекциям Т. Аминоффа, Б. Мункачи, Б. Гаврилова, Н. Первухина, которые он хорошо изучил. Опираясь на материалы, собранные его предшественниками и им самим, Ю. Вихманн опровергает устоявшееся на Западе мнение о бедности финно-угорского фольклора: «Примерно полтора десятка лет тому назад все еще было широко распространено мнение, что народная поэзия финно-угорских народов, проживающих на востоке России и в Западной Сибири, не имеет ценности и бедна как с точки зрения содержания, так и формы. Излишне говорить, что это предположение оказалось неверным» [Wichmann 1893, VIII].

Ю. Вихманн описывает методики записи фольклорных образцов, относящихся к различным жанрам. Так, молитвы-*куриськон* ученый фиксировал под диктовку, поскольку во время жертвоприношений невозможно полностью записать «быстро и шепотом сказанные слова жреца» [Ibid, XI]. Сложнее оказалось зафиксировать заговоры, или «магические заклинания» (*Zaubersprüche*). Часть из них он получил непосредственно от «знакомого уржумского колдуна», который, однако, рассказал далеко не все, что знал. Елабужские же заклинания были записаны Петром Васильевым – помощником Ю. Вихманна, поскольку, как признавался сам ученый, «во время моего недолгого пребывания там в качестве постороннего я вряд ли смог бы вырвать хоть слово из уст колдуна» [Ibid, XII]. Дольше и основательнее, нежели другие жанры, записывались поэтические тексты песен. Основную часть текстов Ю. Вихманн с помощью К. Андреева (в Уржумском уезде) и П. Васильева (в Елабужском уезде) записал с «голоса», то есть непосредственно во время обрядов, праздников или посиделок. Затем тексты еще дважды – под диктовку и под напев – перепроверялись.

Очевидно, что Ю. Вихманн использовал и другие методы сбора материала. Так, в одном из писем Ю. Вихманну от П. Васильева содержится подробное описание части свадебного обряда и запись трех обрядовых песен, которые тоже, видимо, вошли в коллекцию финского ученого [Загребин 1999, 46].

Основной массив фольклорного материала Ю. Вихманн записал от южных удмуртов в Уржумском, Малмыжском и Елабужском уездах. В малмыжско-уржумский блок вошли семь жанрово-тематических групп: свадебные и любовные, хвалебные, праздничные, рекрутские, песни разного содержания, шуточные и плачи невесты. Уржумские и южно-малмыжские удмурты, по его наблюдению, различают свадебные (*сюан кыл*), хвалебные, или праздничные (*тау карон, юон кыл*), шуточные (*такмак*) и песни различного содержания. Он отмечает характерное для южноудмуртской традиции явление политекстовости напевов и полифункциональность поэтических текстов. Большой удачей ученого является запись в Уржумском уезде «печальной песни невесты, или, вернее, молодой жены». Ее описание сопровождалось ремаркой, что «она у вотяков вообще песней не считается». К сожалению, этот образец не был нотирован, но, помимо народного обозначения (*виль кышно бърдон* плач молодухи), Ю. Вихманн приводит его развернутое словесное описание, из чего следует, что «песня» в действительности была импровизированным причитанием-плачем: «В них (*причитаниях*. – И.Н.) не может быть речи ни о регулярном стихотворном метре, ни о мелодии, а только о ритмизированной декламации, исполняемой монотонным, попеременно повышающимся и понижающимся голосом. Конечно, импровизация играет важную роль в причитаниях, и поэтому те немногие плачи, которые я собрал в округе Уржума, не могут дать полной картины этого типа песни. Особенно это касается тех случаев, когда, как и здесь, плач произносится по специальной просьбе, а исполнительница, следовательно, не была должным образом увлечена своим делом» [Ibid, XIII].

Иная жанровая система зафиксирована Ю. Вихманном в Елабужском уезде. Ученый отмечает уже две свадебные песни: *бõрысь-ветлйсь кырзан* и *сюанчи кырзан* (песни родственников невесты и жени-

ха). В целом он зафиксировал четыре жанрово-тематические группы: свадебные и любовные, праздничные, рекрутские и шуточные песни. В Глазовском уезде Ю. Вихманн опубликовал удмуртские и берсермянские свадебные песни *сюан мадьёс* и причитания *кылан-буран*, песни разного содержания (*шудон*, *пукон мадьёс*). По поводу причитаний сделал ремарку: «Жалобные песни *кылан-буран* здесь довольно коротки, но все же более разносторонние, чем вышеупомянутые уржумские» [Ibid, XIII].

Песенные и инструментальные нотировки, опубликованные в приложении к первому тому «Образцов...», были записаны по слуху самим финским ученым. Из предисловия к работе становится очевидным, что лингвист владел нотной грамотой: «Во время моего пребывания в Карлыгане и Бусурман Можге я имел возможность записать мелодии нескольких песен и танцев <...> на одном празднике я второпях записал ноты» [Ibid, XI, XIII–XIV]. В процессе подготовки рукописи к изданию Ю. Вихманн привлек профессионального музыканта Эмиля Форсстрёма (Emil Forsström), который помог ему отредактировать нотный материал.

Нотировки музыкального материала Ю. Вихманн также располагает по локальному признаку, используя как диалектолог лингвистические принципы: в первый раздел вошли первые семь напевов и инструментальных наигрышей, записанные в Большом Карлыгане (Уржумский уезд), во второй – восемь нотированных образцов из д. Бусурман Можга (Елабужский уезд). Карлыганские песни ученый описал наиболее подробно. Как он отмечает, в основе песенной традиции лежат три напева: свадебный, шуточный и мелодия, «самая распространенная» и подходящая для всех остальных песен. Характерной особенностью свадебных песен, по его наблюдению, являются дополнительные слова в конце каждой строки *ай кай*, а между каждой стихотворной парой пропеваются строка с не имеющими значения словами «*айди гинэ мед айдом айдак!*» [Ibid, XIV]. Поразительно, что данное описание, сделанное Вихманном почти 130 лет назад, соответствует современному состоянию песенной традиции карлыганских удмуртов, основу которой составляют свадебный *сюан зоут* и полифункциональный напев *зоут/удмурт зоут* [Нуриева 2004].

Песенные напевы д. Бусурман Можга ученый в своем предисловии, к сожалению, практически не комментирует. Известен лишь жанр песен: шуточная, праздничная и две свадебные. Ни одну из них идентифицировать с современными записями пока не удалось, но можно отметить объединяющую их особенность, а именно – опору части напевов на ангемитонный звукоряд *d e g a h*.

Отдельного внимания заслуживают инструментальные наигрыши – две мелодии, которые исполняли на *крезе* во время языческих молений. Эти раритетные образцы на сегодняшний день являются пока единственным в удмуртской фольклористике свидетельством музыкально-инструментальной атмосферы древних ритуалов. Одна из мелодий записана в Карлыгане. По описанию Ю. Вихманна, она «самая древняя, поэтому играли ее лишь несколько стариков. Однажды я тоже видел жертвенный танец под эту мелодию; это было на памятном вечере, где один покойник стал родоначальником торжества» [Wichmann 1893, XIV].

Мелодия этого жертвенного танца представляет собой одностроичный наигрыш и по всем стилистическим признакам соответствует жанру быстрого танца (пример № 1). К сожалению, Ю. Вихманн ни в этом предисловии, ни в других опубликованных работах ничего не пишет о своих музыкальных впечатлениях; в своих штудиях он только аналитик, констатирующий факты. Но здесь было бы интересно привести мнение другого ученого – русского этнографа М. Н. Харузина о мелодии, сыгранной на гусях, которую тот услышал на заключительном (увеселительном) этапе молений в священной роще после Троицы в с. Шаркан Сарапульского уезда: «Мне довелось слышать этот своеобразный гимн в честь богов. Когда гусельщик ударил по струнам, я приготовился слушать нечто строгое, мрачное, величаво угрюмое, подобно природе нашего севера. Но вместо ожидаемого я услышал плясовую мелодию. Оказалось, что вотяки после моления, охваченные чарами кумышки, под эти хвалебные звуки предаются неистовой пляске» [Харузин 1883, 259].

Возможно, другой инструментальный наигрыш, услышанный Ю. Вихманном в Бусурман Можге, мог бы удовлетворить желание М. Харузина услышать «нечто строгое». Как пишет финский ученый, «это мелодия, собственно говоря, не песни, не танца; она была сыграна на гусях на большом жертвенном празднике в Можге во время моления священника (*очевидно, жреца – И.Н.*) и народа. Может быть, это отрывок из мелодии одного древнего жертвенного танца» [Wichmann 1893, XIV]. Наигрыш действительно трудно отнести к определенному жанру («не песня, не танец»). Он производит впечатление неторопливой импровизационной игры: состоит из коротких, произвольно повторяемых попевок, сыгранных в умеренном, неторопливом (*moderato*) темпе без завершающей каденции (пример № 2). Скорее всего, звуки этого наигрыша на *крезе* были сопроводительным музыкальным фоном молитвенного обращения жреца-*вбсья*.

При анализе нотного материала закономерно возникает вопрос, насколько точно ученый-лингвист и его помощник редактор-музыкант Э. Форстрём отразили в своих нотировках все мелодические и ритмические особенности удмуртской музыки. Проведенная нами реконструкция некоторых нотировок Ю. Вихманна показала любопытные результаты: мелодический контур карлыганских напевов практически совпадает с современными вариантами, хотя принципы тактировки не всегда отражают природу ритмической организации удмуртской обрядовой песни. Свадебный напев, например, почти уложился в рамки исходной ритмической организации, и, напротив, характерная ритмическая формула полифункционального напева *зоут* практически не прочитывается в нотировках. Редактируя нотные записи, финские авторы Ю. Вихманн и Э. Форстрём исходили из своего понимания и «слышания» удмуртской песни, которая была тактирована по законам ритмической организации западноевропейской музыки с ее четкой метрической сеткой пульсаций сильных и слабых долей. Если по отношению к инструментальным наигрышам эта метрическая сетка соответствует жанровой природе танцевальных мелодий, то обрядовые напевы оказались «перекроенными» по меркам другой ритмической системы. К слову сказать, та же неточность сопровождает и описание стихосложения удмуртских обрядовых песен, которое Ю. Вихманн определил как силлабо-тоническое (трехсложный анапест).

Вместе с тем нужно отметить, что по сравнению с нотировками удмуртских песен, выполненными другими зарубежными учеными на рубеже XIX–XX вв., нотные расшифровки Юрьё Вихманна оказались максимально приближенными к аутентичному звучанию. Очевидно, немаловажную роль сыграли стационарные условия полевой работы, скрупулезные методы записи и расшифровки песен.

Таким образом, Юрьё Вихманн стоял у истоков региональной науки и по праву занимает видное место в истории удмуртской фольклористики. Труды финского ученого стали ценным источником для последующих многочисленных исследований не только по лингвистике, но и по этнографии, фольклористике и этномузыковедению. Как собиратель и публикатор фольклорных текстов Юрьё Вихманн в определенной степени опередил время, используя методику и принципы работы с фольклорным материалом, которые стали основополагающими в современной отечественной фольклористике.

Пример № 1.

Пример № 2.

ЛИТЕРАТУРА

Давыдова Л. В., Латкина Л. И. Научные исследования финского ученого Юрьё Вихманна на земле Коми // Финно-угорский мир. 2009. № 2. С. 44–51.

Загребин А. Е. Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1999. 185 с.

Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.

Кельмаков В. К. Предисловие // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология. Ижевск, УИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. С. 3–6.

Кельмаков В. К. Юрьё Вихманн и вопросы удмуртского языкознания // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология. Ижевск, УИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. С. 10–32.

Наговицына Е. А. Удмуртский фольклорный текст в научном наследии Юрьё Вихманна. Автореф. дис. канд. филол. наук. Ижевск, 2002. 24 с.

Нуриева И. М. Песни завятских удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. Вып. 2. 332 с. (Удмуртский фольклор).

Ошаев А. Г., Сануков К. Н., Соловьев А. А. Научная экспедиция Юрьё Вихманна и Юлии Вихманн в Марийский край (1905–1906 годы) // Вестник Чувашского университета. Исторические науки и археология. 2016. № 2. С. 97–104.

Пермистика 2: Вихманн и пермская филология. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. 208 с.

Садилов Р. Р., Миннихметова Т. Г. Зарубежные исследователи этнографии, фольклора и языка закамских удмуртов: историографический очерк // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. № 4. С. 49–62.

Харузин М. Н. Очерки юридического быта народностей Сарапульского уезда Вятской губернии // Юридический вестник. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1883. № 2. С. 257–291.

Чуч III. Письма Юрьё Вихманна с удмуртских земель // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология. Ижевск, УИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. С. 37–41.

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1893. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. XX + 200 S. (=JSFOu 11).

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1901. II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. IV + 200 S. (=JSFOu 19).

Поступила в редакцию 14.02.2022

Нуриева Ирина Муртазовна,
доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: nurieva-59@mail.ru

I. M. Nurieva

YRJÖ WICHMANN'S CONTRIBUTION TO UDMURT FOLKLORISTICS

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-2-248-254

The article is devoted to identifying the role of the Finnish scientist Yrjö Jooseppi Wichmann in the formation and development of Udmurt folkloristics. In Udmurt sciences, Yrjö Wichmann is represented as a linguist, one of the founders of comparative historical permistics, who made a huge contribution to Udmurt dialectology, historical phonetics, historical lexicology and etymology. However, the role of the Finnish scientist as a folklorist, who laid the foundations for the principles of recording and publishing folklore material, including music, has not yet been appreciated in Finno-Ugric studies.

He made two long trips to the Udmurts in order to study some Udmurt dialects, there he recorded a significant corpus of samples of Udmurt speech. The corpus is composed of different genres of Udmurt folklore: songs, conspiracies, prayers, riddles, legends, etc., published in two volumes of "Wotjakische sprachproben" (1893; 1901). In addition, possessing musical notation, he recorded and published a corpus of melodies of Udmurt ritual songs, which have become a valuable source for modern comparative research. A rare success of the Finnish researcher should be considered records of rare instrumental tunes that accompanied pagan prayers.

Publishing and describing folklore material, Yu. Vihmann, as a linguist-dialectologist, used the areal method, and for the first time used the folkloristic principles of classification, dividing the folklore material of each dialect into genre-thematic groups. At the same time, Yu. Wichmann, the first scientist in the history of Udmurt folkloristics, applied ethnomusicological methods in describing the genre system, the structure of melodies and the performing manner.

Yrjö Wichmann rightfully occupies a prominent place in the history of Udmurt folklore studies. To a certain extent, he was ahead of his time, using the methodology and principles of working with folklore material, which have become fundamental in modern Russian folklore studies.

Keywords: Yrjö Wichmann, linguistics, Udmurt folkloristics, areal studies, folklore genres.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 2. P. 248–254. In Russian.

REFERENCES

- Chuch Sh.** Pis'ma Yrjö Wichmanna s udmurtskikh zemel' [Yrjö Wichmann's letters from Udmurt lands]. *Permistika 2: Wichmann i permskaya filologiya* [Permistics 2: Wichmann and Perm philology]. Izhevsk, UIIYAL URO AN SSSR, 1990. P. 37–41. In Russian.
- Davydova L. V., Latkina L. I.** Nauchnye issledovaniya finskogo uchenogo Yrjö Wichmanna na zemle Komi [Scientific research of the Finnish scientist Yrjö Wichmann on the land of Komi]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric World]. 2009. № 2. P. 44–51. In Russian.
- Karpova L. L.** *Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: formirovanie i sovremennoe sostoyanie* [Dialects of the northern dialect of the Udmurt language: formation and modern state]. Izhevsk: MaRShak, 2020. 563 p. In Russian.
- Kel'makov V. K.** Predislovie [Preface]. *Permistika 2: Wichmann i permskaya filologiya* [Permistics 2: Wichmann and Permian philology]. Izhevsk, UIIYAL URO AN SSSR, 1990. P. 3–6. In Russian.
- Kel'makov V. K.** Yrjö Wichmann i voprosy udmurtskogo yazykoznanija [Yrjö Wichmann and issues of Udmurt linguistics]. *Permistika 2: Wichmann i permskaya filologiya* [Permistics 2: Wichmann and Permian philology]. Izhevsk, UIIYAL URO AN SSSR, 1990. P. 10–32. In Russian.
- Kharuzin M. N.** Oчерki yuridicheskogo byta narodnostei Sarapul'skogo uezda Vyatskoi gubernii [Essays on the legal life of the nationalities of the Sarapul district of the Vyatka province]. *Yuridicheskii vestnik* [Legal Bulletin]. M.: Tip. A. I. Mamontova i Ko, 1883. № 2. P. 257–291. In Russian.
- Nagovitsyna E. A.** *Udmurtskii fol'klornyj tekst v nauchnom nasledii Yrjö Wichmanna*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Udmurt folklore text in the scientific heritage of Yrjö Wichmann. Extended abstract of Cand. phil. sci. diss.]. Izhevsk, 2002. 24 p. In Russian.
- Nurieva I. M.** *Pesni zavyatskikh udmurtov* [Songs of TransVyatka Udmurts]. Izhevsk: UIIYAL URO RAN, 2004. Vyp. 2. 332 p. (Udmurtskii fol'klor) [Udmurt folklore]. In Russian.
- Oshaev A. G., Sanukov K. N., Solov'ev A. A.** Nauchnaya ehkspeditsiya Yrjö Wichmanna i Yulii Wichmann v Mariiskii krai (1905-1906 gody) [Scientific expedition of Yrjö Wichmann and Julia Wichmann to the Mari Territory (1905-1906 years)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiya* [Bulletin of Chuvash University. Historical sciences and archeology]. 2016. № 2. P. 97–104. In Russian.
- Permistika 2: Wichmann i permskaya filologiya** [Permistics 2: Wichmann and Perm philology]. Izhevsk: UIIYAL URO AN SSSR, 1991. 208 p. In Russian.
- Sadikov R. R., Minniyahmetova T. G.** Zarubezhnye issledovateli etnografii, fol'klora i yazyka zakamskih udmurtov: istoriograficheskii oчерk [Foreign researchers of ethnography, folklore and language of the Trans-Kama Udmurts: a historiographical essay]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2012. № 4. P. 49–62. In Russian.
- Wichmann Y.** *Wotjakische Sprachproben*. Helsingfors, 1893. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. XX + 200 S. (=JSFOu 11). In German.
- Wichmann Y.** *Wotjakische Sprachproben*. Helsingfors, 1901. II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. IV + 200 S. (=JSFOu 19). In German.
- Zagrebin A. E.** *Finny ob udmurtah: Finskie issledovateli etnografii udmurtov XIX – pervoj poloviny XX v.* [Finns about Udmurts: Finnish researchers of Udmurt ethnography of the XIX – first half of the XX century.]. Izhevsk: Udmurtskii IYAL UrO RAN, 1999. 185 p.

Received 18.02.2022

Nurieva Irina Murtazovna,
Doctor of Art Histor, Lead Researcher
Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences
Lomonosova, 4, Izhevsk, 426034, Russian Federation,
E-mail: nurieva-59@mail.ru